

**Словарь церковно-славянского и русского
языка**

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
С48

С48 Словарь церковно-славянского и русского языка: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 440 с.

ISBN 978-5-518-09616-5

ISBN 978-5-518-09616-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

такомъ же отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, въ какомъ Латинскій среднихъ вѣковъ къ языку Цесаря и Цицерона. Для отличія отъ Церковно-Славянскаго, назовемъ его *Славяно-Русскимъ*.

Церковно-Славянскій языкъ и Славяно-Русское нарѣчіе, служившіе орудіями Вѣры, богослуженія и проповѣди, по самому существу своему, оставались у насъ нарѣчіями книжными: въ устахъ народа слышался другой языкъ, собственно *Русскій*. Въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ Москвѣ и Полоцкѣ, на всемъ пространствѣ древней Руси, звучало особое народное слово, богатое, самобытное, отличное отъ всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Чтобъ убѣдиться въ томъ, стоитъ только сравнить нѣсколько главъ изъ Библии съ грамотами Новгородскаго вѣча, Димитрія Донскаго или Іоанна Грознаго. Древній Русскій языкъ, сколько можно судить по многочисленнымъ отрывкамъ его, сохранившимся въ памятникахъ стариннаго законодательства и дѣловодства, долго удерживалъ коренную свою основу. Обращаясь въ теченіе столѣтій въ устахъ народа, и въ то же время будучи языкомъ государственной письменности, онъ утвердился употребленіемъ, обогатился реченіями и оборотами, отличался особенною отчетливостью и представлялъ органическое цѣлое; въ немъ отражалось то, что народъ зналъ и что ему нужно было — ни болѣе, ни менѣе.

Такимъ образомъ въ древней Руси двѣ стороны народнаго быта, духовная и вещественная, изображались различно: первая — языкомъ Церковно-Славянскимъ съ Славяно-Русскимъ нарѣчіемъ, вторая Русскимъ; первые два вида были какъ бы священными, послѣдній — общественнымъ, житейскимъ. Церковно-Славянскій и Русскій языки шли каждый особымъ путемъ, удерживая по возможности свою самобытность и не допуская иноземной примѣси. Вліяніе Церковно-Славянскаго языка на Русскій простиралось преимущественно на стихійный составъ его; но какъ строеніе рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни, то словосочиненіе Церковно-Славянское, подражательное Греческому и принадлежавшее въ древности Славянамъ другаго племени, не привилось къ нашему языку. Продолжительное обращеніе съ Татарами хотя не могло не имѣть нѣкотораго дѣйствія на Русскій языкъ, и въ него заронено нѣсколько словъ изъ Татарскаго и другихъ восточныхъ нарѣчій; но болѣе сего нельзя было и заимствовать отъ народа, который ни въ образѣ жизни, ни въ нравахъ своихъ не имѣлъ ничего съ нами общаго. Немногія слова изъ домашняго быта и нѣкоторыя названія драгоценныхъ камней — вотъ все, что осталось у насъ отъ періода Монголовъ.

Какъ Церковно-Славянскій языкъ, употреблявшійся у насъ единственно въ богослуженіи, не могъ быть удобоподвиженъ въ своихъ формахъ, а Славяно-Русское его нарѣчіе, книжное и зависѣвшее отъ произвола писателей, не подлежало законамъ развитія, свойственнаго живымъ языкамъ; то, не объясняя разновременныхъ ихъ измѣненій и оставляя первобытное состояніе Русскаго языка, какъ недостаточно изслѣдованное, обратимъ вниманіе на развитіе его отъ учрежденія въ Россіи единодержавія до нашего времени.

Послѣ паденія Восточной Имперіи, когда предки наши стали знакомиться съ Западными Европейцами, уже открытъ былъ новый міръ, изобрѣтено книгопечатаніе, и свѣтъ просвѣщенія началъ разливаться повсюду. Провидѣніе, пославъ на Россію толпы Азіятскихъ варваровъ, угнетавшихъ ее болѣе двухъ столѣтій, приготовляло ей лучшій жребій. Съ пробужденіемъ любви къ отечеству, свержено иго Татарское и возникла народная самобытность. Великокняжескій престолъ, перенесенный изъ Кіева во Владиміръ, оспориваемъ былъ то Тверью, то Рязанью, доколѣ не утвердился наконецъ въ Москвѣ. Русскій языкъ, съ уничтоженіемъ Удѣловъ и соединеніемъ Россіи въ одно цѣлое, подъ скипетромъ Іоанна III, распространился въ объемъ и получилъ направленіе болѣе положительное. Единство управленія и законы, истекавшіе изъ одного источника, соединили всѣ оттѣнки языка въ одной общей рѣчи. Онъ свободно примѣнялся къ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ, обнимая всѣ стороны дѣятельности народной и соотвѣтствуя кругу современныхъ понятій. Это доказываютъ государственные акты XVI и XVII столѣтій: гдѣ бы ни были они писаны, на пространствѣ цѣлой Россіи, языкъ въ нихъ является одинъ и тотъ же, выразительный и благозвучный. Едва замѣтное измѣненіе его начинается въ періодъ Междуцарствія, и особенно въ то время, когда Михайлъ и Алексій, родоначальники благословеннаго Дома Романовыхъ, усмотрѣвъ необходимость въ преобразованіи ратнаго дѣла, усвоили Россіи нѣкоторыя Европейскіе искусства и обычаи, для уравниенія вещественныхъ силъ ея съ другими Западными народами. Съ тѣхъ поръ начали проникать въ отечество наше лучи Европейскаго просвѣщенія. Сношенія съ Европою, благопріятствуя прочному, но медленному его у насъ водворенію, безъ сомнѣнія отразились бы и въ языкѣ, если бы внутреннія смуты, въ концѣ XVII столѣтія, не прекратили ихъ на время, и не вызвали общаго преобразованія государства. Языку Русскому, съ перемѣною утвержденного вѣками общественнаго порядка, нравовъ и понятій, надлежало подчиниться судьбамъ этого преобразованія.

Кто прилежно наблюдалъ минувшія событія и внимательно слѣдилъ за историческимъ развитіемъ отечества нашего, во дни славы и испытаній, предназначенныхъ ему небеснымъ Промысломъ, тому извѣстно, что еще до Петра Великаго въ Русскомъ народѣ таилось предчувствіе новаго порядка вещей. Мятежи Смутнаго Періода, подкопавшіе древнее зданіе государственныхъ учрежденій и заронившіе первыя сѣмена чужеземныхъ обычаевъ, равно какъ и внутреннія неурюстройства во второй половинѣ XVII вѣка, требовали возрожденія Россіи. Въ это время Провидѣніе послало намъ Петра. Какъ представитель возникавшей потребности, какъ первый труженикъ въ дѣлѣ народнаго образованія, онъ изучалъ Европу въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ, радушно принималъ иностранцевъ, полезныхъ Россіи знаніями и талантами, отправлялъ даровитыхъ юношей за границу, повелѣлъ ввести новыя письмена, заставлялъ переводить книги, собственноручно писалъ указы и учрежденія. Но при водвореніи новыхъ знаній, языкъ не могъ выразить вдругъ множества чуждыхъ

намъ понятій. И не удивительно. Изучая свойства древняго Русскаго Слова и вникая въ содержаніе его памятниковъ, нельзя не замѣтить, что языкъ нашъ въ томъ видѣ, въ какомъ находился въ XVI и XVII столѣтіяхъ, не могъ служить удобнымъ для того орудіемъ, и что обновленіе его было тѣсно связано съ успѣхами преобразования Россіи. Для выраженія предметовъ, нуждъ и отношеній новаго общества, надлежало создать и новое Слово. Потребность свѣтской литературы, не существовавшей прежде, составляла не меньшее къ тому побужденіе. Сообразно законамъ этой необходимости, измѣненіе языка происходило тогда не послѣдовательно, а совершилось одновременно, чему причиною были особья обстоятельства и самая поспѣшность нововведеній. Желая писать о предметахъ, касающихся до наукъ и искусствъ, до учрежденій, быта и нравовъ Европейскихъ, писатели не могли выразить ихъ въ формахъ исключительно свойственныхъ Русскому языку, а почерпали обороты изъ Церковно-Славянскаго и Славяно-Русскаго, съ примѣсю выражений не только народныхъ, но и чужеземныхъ. Множество иностранныхъ словъ вошло въ языкъ между прочимъ и отъ скорости, съ которою переводились книги по разнымъ отраслямъ наукъ; при чемъ грамматическое расположеніе словъ было принято частію Латинское, а частію свойственное новымъ Европейскимъ языкамъ. Вотъ причина, почему языкъ литературы, появившейся при Петрѣ Великомъ, представляетъ столь странную борьбу разнородныхъ элементовъ, столь несогласную смѣсь оборотовъ, въ которыхъ однакожь таилась зародышъ будущаго усовершенствованія. Къ словеснымъ памятникамъ, ознаменовавшимъ этотъ переходный періодъ, принадлежатъ: сочиненія Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и Гавріила Бужинскаго, духовные и гражданскіе уставы и учрежденія, изданные послѣ 1700 года, переводы книгъ математическихъ, астрономическихъ, навигаціонныхъ, историческихъ и географическихъ, Амстердамскія изданія Иліи Копіевича и проч.; къ нимъ же отчасти относятся стихотворныя и прозаическія произведенія Кантемира.

Эта эпоха Русскаго языка, подъ какимъ бы вліяніемъ ни происходило его преобразование и какъ бы вошедшія въ него стихіи съ перваго взгляда ни казались несомвѣстными, составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ области отечественнаго Слова. Обильное послѣдствіями для умственной нашей жизни, оно поучительно для филолога и достойно наблюденій историка. Здѣсь источникъ слога нынѣшней нашей литературы; отсюда собственно начинается ея исторія.

Ходъ и переломы языка въ XVIII вѣкѣ доселѣ не подвергнуты у насъ критическому изслѣдованію во всѣхъ подробностяхъ, но причины, ускорявшія или замедлявшія его развитіе, кажется, извѣстны достаточно. Напомнимъ главнѣйшія изъ нихъ. Отсутствіе твердыхъ началъ, нестройность состава и неопредѣлительность значенія словъ ограничивали новый языкъ исключительно книжнымъ употребленіемъ, и надлежало явиться генію, чтобы открыть въ немъ источникъ органической жизни. Этотъ геній былъ Ломоносовъ. Превосходство и недостатки его, какъ писателя, носятъ на себѣ признаки возраста нашего въ по-

ловинѣ истекшаго столѣтія. Ломоносовъ привелъ въ порядокъ нестройное смѣшеніе языка, опредѣлилъ грамматическія его правила и положилъ основаніе слогу, представивъ образцемъ собственныя произведенія въ стихахъ и прозѣ; но заимствуя Славянскіе обороты, онъ породилъ множество неискusstныхъ подражателей, такъ что не смотря на послѣдующіе успѣхи словесности, безотчетное сближеніе Церковно-Славянскаго языка съ Русскимъ совершенно прекратилось у насъ не прежде XIX столѣтія. Примѣру Ломоносова не слѣдовали Тредьяковскій и Сумароковъ, отвергавшіе преобладаніе Славянскаго элемента и располагавшіе слова и періоды по примѣру языковъ Европейскихъ. Послѣдователи ихъ, увлекаясь то тѣмъ, то другимъ направлениемъ, препятствовали правильному развитію языка. Но съ половины XVIII вѣка появились писатели, старавшіеся противодѣйствовать столь неестественному движенію литературы. Первые въ этомъ отношеніи успѣхи принадлежатъ Московскому Университету: въ сочиненіяхъ профессоровъ и лучшихъ его питомцевъ мы видимъ уже слѣды постепеннаго усовершенствованія языка. Подъ перомъ Фонъ-Визина, Муравьева и Подшивалова, онъ началъ принимать изящныя формы новыхъ идей, усвоилъ ясность словорасположенія, и изрѣдка только отзывался лепетомъ возрожденія. Карамзинъ, начавшій свое поприще въ концѣ истекшаго вѣка, окончательно переработалъ слогъ. Его усиліямъ сосредоточить разрозненныя формы языка въ одной опредѣлительной рѣчи, утвердить слововыраженіе и придать слогу эстетическій обликъ, примѣнивъ его къ современному языку общества, обязаны мы дальнѣйшими успѣхами Русской литературы.

Вѣкъ Екатерины II-й представляетъ въ жизни Руси какую-то эпическую полноту и величавость. Мы переставали безсознательно перенимать у Западныхъ Европейцевъ все, что они указывали намъ какъ достойное подражанія; умственная жизнь наша не сосредоточивалась уже въ одной жадѣ любознанія, но и сама дѣйствовала по всѣмъ направленіямъ. Слово этого вѣка — Державинъ; всѣ разноцвѣтныя лучи славы Екатерины слились въ одинъ свѣтлый лучъ фантазіи поэта; каждая струна его лиры звучала роднымъ отзывомъ на желанія и чувства его современниковъ. Въ очаровательныхъ очеркахъ царствованія Великой Державинъ выразилъ всѣ особенности Русской народности, всѣ образы и отливы Русскаго языка. Въ первыхъ стихотвореніяхъ своихъ онъ является послѣдователемъ Ломоносова, но превосходя его шитическимъ талантомъ, вскорѣ усваиваетъ себѣ лирическое первенство. Оживляя картины могучаго воображенія неистощимымъ восторгомъ души, Державинъ создалъ стихотворный языкъ, только ему одному свойственный. По этому онъ не могъ, подобно Карамзину, измѣнившему прозу своего времени, дѣйствовать успѣшно на стихотворный слогъ, и привести въ единство разобщенный способъ изложенія другихъ поэтовъ. Но между тѣмъ какъ Херасковъ, Костровъ, Петровъ, Княжнинъ, Капнистъ и другіе современники Державина продолжали идти по тропѣ, проложенной Ломоносовымъ и Сумароковымъ, языкъ легкой поэзіи обнаруживался въ стихотвореніяхъ Богдановича и Дмитріева.

Со вступленіемъ на престолъ Александра Благословеннаго насталъ новый вѣкъ, еще

болѣ благопріятствовавшій Русскому языку. Украшеніемъ этого вѣка является Карамзинъ, какъ историкъ. Познакомивъ насъ съ отечественными преданіями, онъ очаровательною кистью изображалъ древнюю Русь, живописалъ родные нравы, воскрешалъ истлѣвшіе памятники давно минувшихъ временъ, вызывалъ цѣлыя поколѣнія изъ гробовъ, и заставлялъ ихъ вновь дѣйствовать передъ нами, съ отличительными свойствами своего вѣка, съ ихъ доблестями и пороками, съ ихъ повѣрьями и предрасудками. Съ появленіемъ Исторіи Государства Россійскаго прекратились споры о старомъ и новомъ слогѣ; тогда убѣдились въ истинѣ, что языкъ образуется не по произволу академій, но въ быту и жизни народной, что каждый вѣкъ выбираетъ для себя сокровища изъ наслѣдія предковъ, и самъ развиваетъ себя въ Словѣ. Въ то же время языкъ поэзіи, недостижимый для подражанія въ лирическихъ произведеніяхъ Державина и не представлявшій твердаго основанія въ способѣ выраженія другихъ поэтовъ, преобразованъ Жуковскимъ. Подъ перомъ его онъ пріобрѣлъ стройную соразмѣрность и правильность, живописную сжатость и опредѣлительную отчетливость. Жуковскій, восхитившій насъ новыми, неожиданными звуками своей лиры, пробудилъ гениальный талантъ Пушкина и вызвалъ многихъ замѣчательныхъ поэтовъ. Въ числѣ ихъ останется незабвеннымъ имя Грибоѣдова, какъ творца современной Русской комедіи. Еще прежде того Хемницеръ началъ, а Крыловъ блистательно довершилъ усовершенствованіе языка басни, соединивъ прелесть изящныхъ поэтическихъ образовъ съ непринужденною свѣжестью народной рѣчи.

Въ столѣтіе, ознаменованное столь блистательнымъ развитіемъ отечественнаго Слова, успѣхамъ его, не менѣе свѣтскихъ писателей, содѣйствовали и духовные витіи, которыхъ проповѣди можно назвать образцовыми по изложенію истинъ Вѣры и сочетанію слога библейскаго съ общенароднымъ. Гедсонъ, Платонъ, Анастасій, Леванда, Михаилъ, Августинъ были представителями церковнаго краснорѣчія второй половины истекшаго и первой четверти текущаго столѣтія. Вѣнецъ духовнаго современнаго витійства составляютъ Слова Филарета, Митрополита Московскаго, и Иннокентія, Архіепископа Харьковскаго.

Изъ какихъ же элементовъ, въ періодъ отъ Петра Великаго до нашего времени, сложилось богатое, величественное, прекрасное Русское Слово, совмѣстившее въ себѣ и священный языкъ Вѣры, и родное нарѣчіе отечественныхъ преданій, и слова, служащія къ выраженію новыхъ понятій, переданныхъ намъ народами, которые опередили насъ въ образованіи? Изъ предъидущаго обозрѣнія можемъ вывести слѣдующее заключеніе о составѣ *современнаго* Русскаго языка:

1) Первая стихія есть *Церковно-Славянский* языкъ, заключающійся въ переводѣ Священнаго Писанія, твореній Греческихъ Церковныхъ Отцевъ, книгъ богослужебныхъ и каноническихъ. Труды Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія составляютъ его первообразъ.

2) Вторая стихія — нарѣчіе *Славяно-Русское*, состоящее изъ смѣси словъ и оборотовъ Церковно-Славянскихъ съ Русскими. Въ немъ должно различать два вида:

Славяно-Русское Восточное, существовавшее въ Восточной (Великой) Россіи. На немъ мы читаемъ: Житія Русскихъ Святыхъ, опредѣленія Соборовъ, посланія и грамоты духовныхъ лицъ, писанія Кирилла Туровскаго, Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, монаха Зиновія и другихъ, Патерики, Степенныя Книги, отчасти Лѣтописи и Хронографы, жизнеописанія Святыхъ, собранныя въ XVI вѣкѣ подъ именемъ Великихъ Макаріевскихъ Миней, полемику съ папистами и раскольниками. Последнее замѣчательнѣйшее твореніе на этомъ нарѣчій — Житія Святыхъ св. Димитрія Ростовскаго.

Славяно-Русское Западное, извѣстное въ Западной Россіи по соединеніи ея съ Литвою и Польшею. Въ числѣ образцевъ его — переводъ книгъ Ветхаго Завѣта и Апостола, сдѣланный Скориною, труды Зизанія, Смотрицкаго, Кирилла Транквилліона, Захарія Копыстенскаго, Петра Могилы, и множество произведеній по разнымъ отраслямъ тогдашней Церковной письменности.

3) Третья стихія — *старинный Русский языкъ*. Въ древности основа его была общая въ Восточной и Западной (Литовской) Россіи; потомъ онъ раздѣлился на два нарѣчія:

Восточно-Русское, бывшее изустнымъ и дѣловымъ языкомъ въ Восточныхъ Удѣльныхъ Княжествахъ, Новгородѣ и Псковѣ, и потомъ въ Московскомъ Государствѣ. Матеріалы этого нарѣчія заключаются въ дипломатическихъ и юридическихъ актахъ: трактатахъ, статейныхъ спискахъ, уставахъ, наказахъ, грамотахъ, восходящихъ къ XIII вѣку, изъ которыхъ многіе напечатаны, но большая часть хранится въ рукописяхъ. На немъ дошли до насъ народныя пѣсни и сказки. Это нарѣчіе можно почитать главною стихіею нынѣшняго Русскаго языка.

Западно-Русское, называемое также Бѣлорусскимъ, составлявшее народный языкъ въ Западной Россіи. Образцы его — Судебникъ Казимира IV, Литовскіе Статуты, акты Литовской Метрики и вся гражданская письменность того края, измѣнившася въ законодательномъ и административномъ отношеніи подъ вліяніемъ Литвы и Польши.

Еще должно упомянуть о двухъ Русскихъ нарѣчіяхъ, сохранившихся въ немногихъ драгоценныхъ памятникахъ старины. Эти нарѣчія суть: *Южно-Русское*, употреблявшееся въ Южно-Русскихъ Княжествахъ до завоеванія Татарами и Литовцами Южной и Западной Руси, и *Сѣверно-Русское*, которымъ говорили нѣкогда въ Новгородѣ и Псковѣ, потерявшееся въ Восточно-Русскомъ. На первомъ нарѣчій время пощадило Русскую Правду, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревомъ, нѣкоторыя грамоты (Князя Мстислава съ Ригею и Готландомъ 1229 г.), отрывки въ Лѣтописяхъ, и проч.; на второмъ Новгородскія грамоты, купчія записи, духовныя завѣщанія *) и статьи разнаго содержанія, разсѣянныя въ древнѣйшихъ рукописяхъ.

*) См. Акты Юридическіе, изданные Археографическою Коммиссіею. С. П. бургъ, 1838 г. стр. 110 — 119, 139, и 430 — 436

II. Обратимся къ лексикологіи, или къ составленію сборниковъ и словарей Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. Первые слѣды этого рода сочиненій находимъ въ харатейной Кормчей, писанной въ 1282 году, для Новгородскаго Архіепископа Климента, и въ рукописи, принадлежавшей покойному Графу Румянцову, 1431 года, гдѣ помѣщены отрывки объясненія библейскихъ реченій *). Въ 1596 году составленъ неизвѣстнымъ лицомъ «Алфавитъ или толкованіе иностранныхъ рѣчей», довольно обширный лексикологическій трудъ, который въ позднѣйшихъ спискахъ то сокращался, то распространялся **). При Славянской Азбукѣ Зизанія помѣщенъ краткій Словарь Славяно-Россійскій (1596 г.), и столь же малообъемный Лексиконъ напечатанъ Памвою Берндою въ 1627 г. Изъ второй половины XVII столѣтія извѣстенъ Греко-Славено-Латинскій Словарь Епифанія Славинецкаго, хранящійся въ числѣ рукописей Синодальной Библіотеки. Въ 1704 г. вышелъ въ свѣтъ Лексиконъ Трехъязычный Ѳедора Поликарпова, а въ 1773 г. первое изданіе Церковнаго Словаря Протоіерея Петра Алексѣева. Было и еще нѣсколько попытокъ составленія подобныхъ сборниковъ Славянскихъ и Русскихъ словъ; но всѣ они ни объемомъ своего содержанія, ни количествомъ словъ, ни точностію объясненія ихъ не соотвѣтствовали своему назначенію и нимало не облегчали дальнѣйшихъ трудовъ на поприщѣ отечественной лексикологіи.

Россійской Академіи мы обязаны двумя Словарями: Словопроизводнымъ и Азбучнымъ. Первую часть Словопроизводнаго Словаря Академія имѣла счастье поднести Вѣнценосной Основательницѣ своей въ 1789 году; послѣднія двѣ части, пятая и шестая, приведены къ окончанію въ 1794. Всѣхъ реченій въ Словопроизводномъ Словарѣ объяснено 43,257. Другой Словарь, расположенный азбучнымъ порядкомъ, котораго первая часть издана въ 1806, а шестая и послѣдняя въ 1822 году, содержитъ въ себѣ 51,388 словъ. По большинству голосовъ, Академія рѣшилась прежде издать Словарь Словопроизводный. Этотъ важный трудъ не достигъ однако вполне своей цѣли, потому что Словопроизводнымъ Словаремъ занятія по части лексикографіи оканчиваются, а не начинаются. Ему должно предшествовать составленіе Сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій, предложенное и Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи. Тогда найдутся многіе корни, у насъ утраченные, и возвратятся многія вышедшія изъ употребленія слова, которыя, при постепенномъ развитіи первоначальнаго языка Славянъ, служили ближайшимъ переходомъ отъ одного понятія къ другому, и у однихъ племенъ Славянскихъ уцѣлѣли, а другими забыты. Что касается до Азбучнаго Словаря, то превосходя первый количествомъ словъ и опредѣлительностію ихъ значеній, онъ доселѣ

*) Приложенія къ сочиненію Калайдовича, подъ заглавіемъ: Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, стр. 193 — 197, изд. въ Москвѣ въ 1824 г.

**) Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и правовѣднія до начала XVIII столѣтія, запеч. во 2 книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834 г.

почитался замѣчательнымъ и весьма полезнымъ трудомъ. Вообще изданіемъ обоихъ Словарей Академія оказала значительную услугу отечественному Слову. Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребленія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ Церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областного быта, кромѣ самаго истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ, увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства.

Азбучный Словарь Россійской Академіи послужилъ матеріаломъ покойному Члену ея П. И. Соколову къ изданію «Общаго Церковно-Славяно-Россійскаго Словаря», напечатаннаго въ двухъ частяхъ въ 1834 году. Въ немъ заключается 63,432 слова.

Изъ новѣйшихъ трудовъ по части Церковно-Славянской и Русской лексикологіи заслуживаютъ быть упомянутыми: а) Словопроизводный Словарь Русскаго языка, Рейфа, вышедшій въ свѣтъ въ двухъ частяхъ въ 1835 году, и б) Корнесловъ того же языка, сравненнаго съ прочими Славянскими нарѣчіями, Шимкевича, изданный въ 1842 году. Последняя книга представляетъ въ весьма маломъ объемѣ первоначальный опытъ Словаря Сравнительнаго.

III. Наконецъ отдадимъ отчетъ въ собственномъ нашемъ трудѣ, касательно его плана и исполненія. Отдѣленіе прежде всего обратило силы и способы свои къ изданію Словаря Азбучнаго. Напечатанный Россійскою Академіею Словарь въ азбучномъ порядкѣ и Словарь Соколова служили главною основою новому Словарю. Притомъ, какъ Россійская Академія, въ послѣдніе годы существованія своего, предполагала приступить къ новому изданію этой книги, то 74,398 словъ было уже ею собрано и объяснено. Надлежало внимательно разсмотрѣть эти матеріалы, исправить невѣрности, пополнить недостатки, обработать остальные слова и представить соотечественникамъ народную, первой необходимости книгу *).

При разсужденіяхъ объ изданіи Словаря представились слѣдующіе вопросы: 1) Не полезнѣ ли, прежде приступа къ составленію его, издать лучшихъ писателей нашихъ и составить для каждаго изъ нихъ особый Словарь, подобно какъ составлены были предварительно частные Словари къ Греческимъ и Римскимъ классикамъ, а потомъ уже приготовлялись общіе Словари Греческаго и Латинскаго языковъ? 2) Не слѣдуетъ ли, при настоящемъ изданіи Словаря, ограничиться однимъ новымъ языкомъ, отъ эпохи Петра Великаго до нашего времени, не смѣшивая его ни съ Церковно-Славянскимъ, ни съ стариннымъ Русскимъ?

По внимательномъ изслѣдованіи перваго вопроса, Отдѣленіе находило, что порядокъ, употребленный при составленіи Словарей мертвыхъ классическихъ языковъ, гдѣ почти каж-

*) Въ послѣдствіи, именно въ 1846 году, Отдѣленіе приобрѣло отъ Орляварнаго Академика П. И. Кеппена составленное имъ собраніе словъ, безъ опредѣленія ихъ значенія въ лексикологической формѣ, простирающееся до 20.000, изъ которыхъ большая часть уже находилась въ отпечатанныхъ листахъ Словаря, а нѣкоторыя не могли войти въ него какъ иностранныя, или по новости употребленія ихъ. Въ текущемъ году тотъ же Академикъ привнесъ еще въ даръ Отдѣленію 1540 словъ; но этимъ собраніемъ оно не могло воспользоваться по позднему его поступленію.

дое слово должно имѣть опору въ авторитетѣ одного изъ писателей, едва ли вполнѣ и съ удобностию можетъ быть примѣненъ къ Словарю языка, живущаго въ устахъ многочисленнаго народа и, слѣдовательно, удобоподвижнаго, измѣняющагося и въ объемѣ, и въ составѣ, и въ формахъ; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы такой способъ составленія Словаря былъ съ успѣхомъ приведенъ въ дѣйствіе въ отношеніи къ какому либо изъ новѣйшихъ языковъ. Съ другой стороны невозможно найти достаточныхъ ссылокъ на отличныхъ писателей нашихъ при объясненіи знаменованія бѣльшей части словъ, и необходимо въ дополненіе къ тому приводить особые примѣры употребленія ихъ изъ общежитія, поговорокъ, пословицъ и т. п. При такихъ обстоятельствахъ, исполненіе означеннаго предположенія имѣло бы еще и ту невыгоду, что отдалило бы на неопредѣленное время изданіе Словаря, въ которомъ настойтъ крайняя надобность.

Столь же неудобно, по мнѣнію Отдѣленія, и преждевременно было бы рѣшительное раздѣленіе Русскаго языка съ Церковно-Славянскимъ, потому что стіхія того и другаго доселѣ еще тѣсно связаны между собою. Можетъ очень легко случиться, что слово, принадлежащее Церковно-Славянскому языку, котораго мы не найдемъ сегодня въ избранныхъ нами сочиненіяхъ, завтра будетъ употреблено весьма удачно какимъ либо писателемъ, и такимъ образомъ войдетъ въ область языка Русскаго. Гдѣ же черта разграниченія между сими двумя языками? И совмѣстно ли было бы съ существенною пользою Русскаго языка прекратить позаимствованія изъ Церковно-Славянскаго, которыя еще и нынѣ продолжаются съ очевиднымъ успѣхомъ? Притомъ нельзя упустить изъ виду, что исключеніе объясненія словъ въ смыслѣ Церковно-Славянскаго языка стѣснило бы насильственно кругъ ихъ знаменованія и затмило ихъ значеніе, что конечно послужило бы ко вреду основательнаго знанія отечественнаго языка. Изъ сего слѣдуетъ, что въ положительномъ раздѣленіи Русскаго языка съ Церковно-Славянскимъ, весьма затруднительномъ въ настоящихъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ, не представляется особенной надобности. Достаточно означить въ Словарѣ, какое именно слово принадлежитъ Церковно-Славянскому, какое Русскому новѣйшему, и Русскому старинному языку.

Для удовлетворенія требованій нашего времени, Словарь долженъ соответствовать не только настоящему состоянію наукъ и искусствъ, но и согласоваться съ ходомъ государственныхъ нашихъ учрежденій — быть сокровищницею языка на протяженіи многихъ вѣковъ, отъ первыхъ письменныхъ памятниковъ до позднѣйшихъ произведеній нашей словесности. Поэтому, не довольствуясь сочиненіями извѣстныхъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, издатели Словаря должны были изучать Церковныя книги, Лѣтописи, древнія государственныя грамоты, всю духовную и умственную жизнь нашу, сохранившуюся въ книгахъ и рукописяхъ. Нельзя было не обращать вниманія и на современныя узаконенія, въ особенности на тѣ, которыя введеніемъ новыхъ званій и должностей подали поводъ къ новымъ реченіямъ.

Вотъ предѣлы и объемъ издаваемаго нынѣ Словаря. Отдѣленіе совмѣстило въ немъ нынѣшній Русскій языкъ, старинный Русскій и Церковно-Славянскій, какъ составныя части живаго языка, тѣмъ болѣе, что слова двухъ послѣднихъ нерѣдко являются у писателей нашихъ въ новыхъ формахъ. Такъ Англичане пользуются словами Латинскими и старинными Каледонскими, Французы Латинскими и Галльскими, Нѣмцы древними Тевтонскими. Отречемся ли мы отъ того языка, на которомъ предки наши въ святыхъ храмахъ славили Предвѣчнаго, на которомъ вылилась первая Лѣтопись о древней Руси, на которомъ выразилось въ народныхъ пѣсняхъ первое чувство радости или скорби? Нѣтъ, не станемъ отторгать вѣтви отъ питающихъ ихъ корней. Пусть Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка будетъ пособіемъ къ уразумѣнію не только устной рѣчи и современнаго языка писателей, но и къ изученію истинъ Православной Вѣры и преданій глубокой древности. Между тѣмъ издаваемый нынѣ полный Словарь можетъ послужить источникомъ для послѣдующихъ Словарей особенныхъ. Да воспользуются имъ и соплеменные намъ народы, какъ общимъ для всѣхъ Славянъ достояніемъ.

По такимъ уваженіямъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, признавъ справедливымъ остановиться на планѣ, предложенномъ Г. Предсѣдательствующимъ, приняло въ руководство слѣдующія правила: 1) Помѣщать въ Словарѣ вообще слова, составляющія принадлежность языка въ разныя эпохи его существованія, потому что Словарь не есть выборъ, но полное систематическое собраніе словъ, сохранившихся какъ въ памятникахъ письменности, такъ и въ устахъ народа. 2) Изъ словъ, входящихъ въ область какой-либо науки, искусства или художества, включать въ Словарь только болѣе употребительныя, потому что каждая изъ сихъ частей отдѣльно имѣетъ свой собственный, болѣе или менѣе обширный объемъ языка, достаточный къ составленію особаго Словаря именно такой-то науки, искусства или художества. 3) Областные слова принимать въ Словарь въ такомъ случаѣ, когда они съ точностію выражаютъ предметъ и пополняютъ ощутительный недостатокъ въ языкѣ. 4) Рачительно собирать и вносить слова, пропущенныя какъ въ прежнихъ, такъ и въ новѣйшихъ Словаряхъ. 5) По способности Русскаго языка къ составленію сложныхъ словъ, многія такія слова безъ разсужденія введены въ разное время въ нашу словесность; при помѣщеніи въ Словарь надлежитъ подвергать ихъ тщательному разбору. 6) Отвергать иностранныя слова, не нуждою, а прихотью введенныя, и не народомъ, а нѣкоторыми только лицами употребляемыя, наприм. *воляжеръ*, *воляжировать*, *компрометировать* и т. п.; но реченія наукъ, искусствъ и художествъ, заимствованныя по необходимости изъ иностранныхъ языковъ, вносить въ Словарь. 7) Опредѣленія значеній словъ составлять со всею логическою точностію и краткостію. 8) Не обременять словъ излишними примѣрами, а ставить только необходимо нужные, для показанія истиннаго значенія ихъ, особливо при словахъ малоизвѣстныхъ, или искаженныхъ злоупотребленіемъ. 9) Объясненіе словъ Церковно-Славянскаго языка подтверждать при-